

рика. Без нее нет науки, а науку он называл “первой потребностью человека”, так как “она одна может поистине привести к улучшению положения человека на земле”³³.

Ограничимся этой беглой характеристикой общих историософских, политических и нравственных воззрений ученого и его исследовательского метода. Обратимся теперь к конкретным выводам и концепциям, которые выдвигал и отстаивал Васильевский в своих трудах по истории Византии. Прежде всего об уже упоминавшейся его первой работе по византиноведению – “Византия и печенеги”.

Отнюдь не отвергая значения внутренних, образовавшихся в западноевропейском обществе (особенно в его высших слоях и среде рыцарства) предпосылок Первого крестового похода, Васильевский указывает как на его непосредственную, главную причину на не оцененный в науке (или весьма слабо оцененный) фактор – печенегов и половцев причерноморских степей. Основательно и убедительно он доказывает, что именно кочевники в 1086–1091 гг., накануне крестового похода, решили судьбу Византии. В 1086 г. печенеги перешли Дунай, вторглись в балканские владения империи и наголову разгромили ее армию. Власть императора (Алексея I Комнина) за пределами ближайшей округи Константинополя стала призрачной. Зимой 1090/91 г., когда печенеги вступили в союз со смирнским эмиром Чаканом, обладавшим сильным флотом, для одновременной осады столицы с суши и моря и когда Византия, по признанию самого императора, оказалась на краю гибели, Алексей I предпринял две отчаянные акции в поисках спасения. Во-первых, он обратился к графу Роберту Фландрскому (Фризскому), с которым был лично знаком, и к другим государям Западной Европы с возванием, обещая им за помощь самый Константинополь и все сокровища казны (Васильевский скупрулезно и остроумно обосновывает подлинность этого документа, сохранившегося в латинском переводе, отводя все сомнения научной критики).

Во-вторых, он призвал на помощь враждующих с печенегами половцев, обещая им большую награду. 29 апреля 1091 г. в битве при Левунии во Фракии печенеги понесли сокрушительное поражение. Одни кочевники поставили империю на край гибели, другие принесли ей спасение, резюмирует Васильевский. Печенеги не тревожили более Византию. Половцы ушли за Дунай. Империя укрепилась, а потому холодно и настороженно встретила в 1096–1097 гг. сначала ополчение Петра Пустыльника, а затем и главные силы – рыцарское войско, первоначальной основной целью которых была именно помощь империи, спасение Константинополя, а не освобождение “Гроба Господня”. Своекорыстная позиция империи, стремившейся присвоить себе плоды побед крестоносцев над мусульманами для возвращения своих потерянных владений на Востоке, стала, по Васильевскому, одной из главных причин конечной неудачи Первого крестового похода, хотя не малая доля вины лежала и на западных рыцарях, отметивших бесчинствами свой путь на Балканах через земли империи и ставивших впоследствии ни во что свои соглашения с Алексеем I.

Главную цель своей работы “Византия и печенеги” он усматривал, однако, не в изучении событий самого Первого похода крестоносцев, а в том, чтобы показать ученой публике, особенно западной, что уяснение крупнейших событий европейской истории невозможно при западноевропоцентристской позиции, исключаяющей из поля зрения на самом деле втянутые в изучаемые события, прямо или косвенно, население Древней Руси и кочевников Причерноморья. Кстати говоря, весьма важны сделанные Васильевским в рассматриваемой работе два наблюдения относительно Древней Руси: перед битвой при Левунии войско Алексея I было воодушевлено тем, что 5-тысячный отряд русов, заметив колебания половцев, с которыми он при-

³³ Гревс И.М. Василий Григорьевич... С. 47.